

— БИБЛИОФИЛ —

Пушкин был Штирлицем?

Рос. Вестн. - 1994. - 29 апреля. - с. 6

Ирина ЮРЬЕВА

Еще недавно Пушкин почитался как воинствующий атеист. Но сейчас, когда возрождается христианская традиция, перед нами вся яснее вырисовывается иной облик поэта, прошедшего сложный и поучительный духовный путь. Пора, наверное, обратиться и к многолетней традиции почитания Пушкина как «революционера первого этапа освободительного движения в России». Ведь эта мифологема и по сей день внушается школьникам. Возникает странный облик поэта. Поскольку Пушкин прямо и однозначно высказывался в 1830-е годы **против** революции, **против** «насильственных потрясений политических, страшных для человечества», советская школа и наука обнаружили в Пушкине некоторую двойственность: он как бы оставался верен декабристам, но, по цензурным соображениям, должен был высказываться против революции и заигрывать с императором, писать хвалебные «Стансы» и тут же - послание в Сибирь. Подобная позиция поэта не казалась безнравственной и выглядела вполне естественно, потому что многие из тех, кто создавал и поддерживал образ **такого** Пушкина, воспроизводили... самих себя, свою собственную историческую ситуацию, свое болезненно раздвоенное сознание. Конечно, Пушкин оставался гением, но вел себя совсем, как мы, советские интеллигенты, осознающие ложь и несправедливость режима и вместе с тем вынужденные с ним уживаться, заигрывать. Однако психология Штирлица или диссидента на кухне, долгие годы навязываемая нами по образу и подобию своему Пушкину, не есть изобретение собственно советской эпохи.

История показывает, что такой образ Пушкина старше большевистской эры, ему почти сто лет. Идея двойственности Пушкина появилась еще во время празднования в Москве 100-летнего юбилея поэта в 1899 году. Эта идея вызвала бурю в общественном мнении и в тогдашней прессе. Об этом мы можем судить по опубликованным впервые Л.Аринштейном и И.Буровой письмам Николая Стороженко, московского профессора, председателя оргкомитета пушкинских торжеств при Обществе любителей русской словесности, его знаменитому другу Александру Веселовскому (полностью эту публикацию см. в книге «**Наследие Александра Веселовского: Исследования и материалы**», СПб., 1992).

«Весь сыр-бор загорелся от доносных «Московских ведомостей», - пишет Н.Стороженко, - которые, желая отличиться, стали утверждать, что Общество любителей русской словесности клеветает на Пушкина, что Якушкин выставляет Пушкина... революци-

онером и т.д.». И в другом письме: «Суть же речи Якушкина можно вкратце формулировать таким образом: сочувствуя идеям передовых людей двадцатых годов, Пушкин не был революционером, не верил в насильственный переворот, но имел намерение проводить основные идеи декабристов (свободу печати, освобождение крестьян) легальным путем, через журналистику, для каковой цели и стал издавать журнал...» Что можно возразить против этой стройной и продуманной концепции? Но затем в речи Якушкина следовал странный вывод: «Оставшись верным идеям декабристов, Пушкин не мог не играть в царствование Николая I двойственной роли, что причиняло ему большие нравственные страдания». За это-то, продолжает Н.Стороженко, больше всего опрокинулись на Якушкина, называли его клеветником Пушкина. Но, спрашивается, разве могло быть иначе? («Иного не дано», - периодически склонна утверждать наша интеллигенция...)

Итак, идея двойственности Пушкина была высказана в 1899 г. в речи В.Якушкина (кстати, внука декабриста), и Н.Стороженко, судя по его письму, был согласен с ним. Но другие не согласились. И по русской традиции, В.Якушкина за его речь о Пушкине сослали - к счастью, не в Сибирь на каторгу, а только в Ярославль на два года. А профессору Стороженко выпало по иронии судьбы уже в царствование Николая II играть ту самую «двойственную роль», которую он вслед за Якушкиным приписывал Пушкину.

Не будучи, конечно, от этого лицемером, Стороженко просто хлопотал, обращался «наверх», пытаясь вернуть из ярославской ссылки Якушкина-внука. То же самое стремился делать Пушкин для его деда и других своих сосланных друзей.

Пушкин, действительно не веривший в насильственный переворот, отринувший кровавую идею революции и бессмысленность бунтов и все же при этом оставаясь другом декабристов, много сил отдал в последние годы своей жизни тому, чтобы смягчить их участь. И в прозе, и в стихах он обращался к императору Николаю, приводя ему в пример Петра I, который «с подданным мирится; виноватому вину отпуская, веселится». Признавая право Николая казнить и судить участников военного мятежа 14 декабря, поэт считал, что как христианин монарх должен проявлять «милость к падшим», милосердие, по-христиански прощать врагов.

В революционно воспитанном, атеистическом сознании русской интеллигенции такой образ поэта-гения существовать, конечно, не мог. Почти два века мы вглядываемся в Пушкина, как в зеркало, но видим в нем лишь самих себя.